

Стефан Цвейг Страх

Когда фрау Ирена вышла из квартиры своего возлюбленного и начала спускаться по лестнице, ее охватил уже знакомый бессмысленный страх. Перед глазами замелькали черные круги, колени вдруг точно окоченели, перестали сгибаться, и ей пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Не впервые отваживалась она на это рискованное приключение, и такая внезапная дрожь тоже была ей не в новинку, но всякий раз, возвращаясь домой, она не могла совладать с беспричинным приступом глупого и смешного страха. Идя на свидание, она не испытывала ничего похожего. Экипаж она отпускала за углом, торопливо, не глядя по сторонам, проходила несколько шагов до подъезда, взбегала по лестнице, и первый прилив страха, к которому примешивалось и нетерпение, растворялся в жарком приветственном объятии. Но когда она собиралась домой, дрожь иного, необъяснимого ужаса поднималась в ней, лишь смутно сочетаясь с чувством вины и нелепым опасением, будто каждый прохожий на улице с одного взгляда угадает, откуда она идет, и дерзко ухмыльнется при виде ее растерянности. Уже последние минуты близости были отравлены нарастающей тревогой; она торопилась уйти, от спешки у нее тряслись руки, она не вникала в слова возлюбленного, нетерпеливо пресекала прощальные вспышки страсти, все в ней уже рвалось прочь, прочь из его квартиры, из его дома, от этого похождения, обратно в свой спокойный, устоявшийся мирок. Не понимая от волнения тех ласковых слов, которыми возлюбленный старался ее успокоить, она на секунду замирала за спасительной дверью, прислушиваясь, не идет ли кто-нибудь вверх или вниз по лестнице. А снаружи уже караулил страх, чтобы сейчас же накинуться на нее, властной рукой останавливал биение ее сердца, и она спускалась по этой пологой лестнице, едва переводя дух.

С минуту она простояла, закрыв глаза, жадно вдыхая прохладу полутемного вестибюля. Где-то вверху хлопнула дверь. Фрау Ирена испуганно встрепенулась и сбежала с последних ступенек, а руки ее сами собой еще ниже натянули густую вуаль. Теперь оставалось еще самое жестокое испытание - необходимость выйти из чужого подъезда. Она пригнула голову, как будто готовясь к прыжку с разбега, и решительно устремила к полуоткрытой двери.

И тут она лицом к лицу столкнулась с какой-то женщиной, которая, очевидно, шла в этот дом.

- Простите, - смущенно пробормотала она и собралась обойти незнакомку. Но та заслонила собой дверь и уставилась на фрау Ирену злобным и наглым взглядом.

- Вот я вас и накрыла! - сразу же заорала она грубым голосом. - Ну, ясно, из порядочных! У нее и муж есть, и деньги, и всего вдоволь. Так нет, ей еще понадобилось сманить любовника у бедной девушки...

- Ради бога... что вы?.. Вы ошибаетесь, - лепетала фрау Ирена и сделала неловкую попытку проскользнуть мимо, но женщина всей своей громоздкой фигурой загородила проход и пронзительно заверещала:

- Как же, ошибаюсь... Нет, я вас знаю. Вы от моего дружка, от Эдуарда идете. Наконец-то я вас застукала; теперь понятно, почему для меня у него времени нет. Из-за вас, подлянка вы этакая.

- Ради бога, не кричите так, - еле слышно выдавила из себя фрау Ирена и невольно отступила назад, в вестибюль. Женщина насмешливо смотрела на нее. Этот трепет и ужас, эта явная беспомощность были ей, видимо, приятны, потому что теперь она разглядывала свою жертву с самодовольной, торжествующе презрительной улыбкой. А в голосе от злобного удовлетворения появились даже фамильярно благодушные нотки.

- Вон они какие, замужние дамочки: гордые да благородные. Под вуалью ходят чужих мужчин отбивать. А как же без вуали? Надо же потом разыгрывать порядочную женщину.

- Ну, что... что вам от меня нужно? Ведь я вас даже не знаю... Пустите...

- Ага, пустите... Домой, к супругу, в теплую комнату... Чтоб разыгрывать важную

барыню и помыкать прислугой... А что мы тут с голоду подышаем, до этого благородным дамам дела нет... Они у нас последнее норовят украсть...

Ирена усилием воли овладела собой, по какому-то наитию схватилась за кошелек и вытащила оттуда все бумажные деньги. - Вот... вот... берите. Только пропустите меня... Я больше никогда сюда не приду... даю вам слово...

Свирепо блеснув глазами, женщина взяла деньги и при этом прошипела: - Стерва. - Фрау Ирена вся вздрогнула от такого оскорбления, но, увидев, что противница посторонилась, выбежала на улицу, не помня себя и задыхаясь, как самоубийца бросается с башни. В глазах у нее темнело, лица прохожих казались ей какими-то уродливыми масками. Но вот, наконец, она добралась до наемного автомобиля, стоявшего на углу, без сил упала на сидение, и сразу все в ней застыло, замерло. Когда же удивленный шофер спросил, наконец, странную пассажирку, куда ехать, она несколько мгновений тупо смотрела на него, пока до ее ошеломленного сознания дошли его слова.

- На Южный вокзал, - выговорила она, но вдруг у нее мелькнула мысль, что та тварь может броситься ей вдогонку. - Скорее, пожалуйста, скорее!

Только по дороге она поняла, каким потрясением была для нее эта встреча. Она ощутила холод своих безжизненно повисших рук и вдруг начала дрожать, как в ознобе. К горлу подступила горечь, и вместе с тошнотой в ней поднялась безудержная, слепая ярость, от которой выворачивалось все внутри. Ей хотелось кричать, молотить кулаками, избавиться от ужаса этого воспоминания, засевшего у нее в мозгу, точно заноза, забыть мерзкую рожу с наглой ухмылкой, противную вульгарность, которой так и разило от несвежего дыхания не знакомки, развратный рот, с ненавистью выплевывавший прямо ей в лицо грубые слова, угрожающе занесенный над ней красный кулак. Все сильнее становилась тошнота, все выше подкатывала к горлу, а вдобавок машину от быстрой езды швыряло во все стороны, Ирена хотела уже сказать шоферу, чтобы он ехал медленнее, но вовремя спохватилась, что ей нечем будет заплатить ему - ведь она отдала вымогательнице все крупные деньги. Она поспешила остановить машину и, к вящему удивлению шофера, вышла на полдороге. К счастью, денег ей хватило. Зато она очутилась в совершенно незнакомом районе, среди деловито сновавших людей, каждое слово, каждый взгляд которых причиняли ей физическую боль. При этом ноги у нее были как ватные и не желали двигаться, но она понимала, что надо попасть домой, и, собрав всю свою волю, с невероятным напряжением тащила из улицы в улицу, словно пробиралась по болоту или глубокому снегу. Наконец, она дошла до дому и устремилась вверх по лестнице с лихорадочной поспешностью, но сейчас же сдержала себя, чтобы волнение ее не показалось подозрительным.

Лишь после того как горничная сняла с нее пальто и она услышала из соседней комнаты голос сына, игравшего с младшей сестренкой, а успокоенный взгляд ее увидел кругом все свое, родное и надежное, к ней вернулось внешнее самообладание, между тем как откуда-то из глубины еще накатывали волны тревоги и болезненно бились в стесненной груди. Она сняла вуаль, заставила себя придать лицу выражение беспечности и вошла в столовую, где ее муж, сидя за накрытым к ужину столом, читал газету.

- Поздно, поздно, мой друг, - ласково пожурил он жену, поднялся и поцеловал ее в щеку, отчего в ней, помимо воли, проснулось щемящее чувство стыда. Они сели за стол, и муж равнодушным тоном, не отрываясь от газеты, спросил - Где ты была так долгой.

- У... у Амелии ей надо было кое-что купить... и я пошла с ней, - проговорила она и тут же рассердилась на себя за то, что не подготовилась к ответу и так неумело солгала. Обычно она заранее изобретала тщательно продуманную ложь, способную выдержать любую проверку, но сегодня от страха все позабыла и принуждена была прибегнуть к такой беспомощной импровизации. А что если муж, как в той пьесе, которую они недавно видели вздумает позвонить по телефону и проверить?

- Что с тобой? Ты какая-то рассеянная... Отчего ты не снимешь шляпу?

Уже во второй раз она обнаруживает сегодня свое волнение! Вздрогнув, Ирена встала, пошла в спальню снять шляпу и до тех пор смотрела в зеркало, пока беспокойный взгляд ее

не стал снова твердым и уверенным. Только после этого она вернулась в столовую.

Горничная подала ужин, и вечер прошел, как обычно, пожалуй молчаливее, менее оживленно, чем обычно, вялый, скудный разговор то и дело прерывался. Мысли Ирены неустанно возвращались к событиям этого дня, но всякий раз, дойдя до грозной минуты враждебной встречи, отшатывались в испуге, тогда она поднимала взгляд, чтобы ощутить себя в безопасности, среди дружественных предметов, связанных с дорогими воспоминаниями, нежно притрагивалась к ним и понемногу успокаивалась. А стенные часы, невозмутимо шагая в тишине своим стальным шагом, незаметно сообщали и ее сердцу свой равномерный, беспечно уверенный ритм.

На следующее утро, когда муж ушел к себе в контору, а дети отправились гулять и она наконец-то осталась наедине с собою, вчерашняя встреча при ярком утреннем свете стала казаться ей менее устрашающей. Прежде всего фрау Ирена рассудила, что вуаль у нее очень густая и шантажистка никак не могла разглядеть ее лицо, а значит, ни в коем случае в другой раз не узнает ее. Спокойно продумала она, как обезопасить себя впредь. Она ни за что больше не пойдет на квартиру к своему возлюбленному - таким образом, возможность вторичного наскока отпадет сама собой. Остается угроза случайной встречи, тоже маловероятная, ведь она уехала в автомобиле, и, значит, та не могла выследить ее. Ни ее имя, ни адрес вымогательнице не известны, а по общему облику трудно наверняка узнать человека. Но и на такой крайний случай фрау Ирена была вооружена. Избавившись от тисков страха, ничего не стоит, решила она, держать себя спокойно, от всего отпираться, невозмутимо утверждать, что это ошибка, ведь доказать, что она была у возлюбленного, немыслимо иначе, как застигнуть ее на месте преступления, - значит, в случае чего можно привлечь эту тварь к ответу за шантаж. Недаром фрау Ирена была женой одного из самых известных столичных адвокатов; из его разговоров с коллегами она усвоила, что шантаж должен быть пресечен немедленно и с полным хладнокровием, потому что малейшее колебание, малейший признак тревоги со стороны жертвы дают в руки противника лишний козырь.

Первой мерой предосторожности была короткая записка, в которой она извещала любовника, что не может прийти в условленный час ни завтра, ни в ближайшие дни. Ее гордость была уязвлена тягостным открытием, что она заменила в милостях возлюбленного такую низменную, недостойную соперницу, и теперь, с неприязненным чувством подбирая слова, она испытывала мстительную радость, что холодный тон записки ставит их свидания в зависимость от ее прихоти.

Этого молодого человека, пианиста с именем, она встретила на вечере у кого-то из знакомых и очень скоро, сама того не желая и не отдавая себе ни в чем отчета, стала его любовницей. Он в сущности почти не волновал ее кровь, у нее не было к нему ни чувственного, ни особого духовного тяготения; она отдалась ему не потому, что он был нужен, желанен ей, а просто из-за недостаточно решительного сопротивления его воле и еще из-за какого-то беспокойного любопытства. Ничто - ни удовлетворенная супружеским счастьем кровь, ни столь частое у женщин чувство духовного оскудения - не вызывало у нее потребности в любовнике; она была вполне счастлива, имея состоятельного, умственно превосходящего ее мужа и двоих детей; она лениво нежилась в своем уютном, обеспеченном, укрытом от бурь существовании. Но бывает в воздухе такое затишье, которое будит чувственность не меньше, чем духота и грозы, такая равномерная температура счастья, которая взвинчивает сильнее всякого несчастья. Сытость раздражает так же, как голод, и от надежной, устоявшейся жизни Ирену потянуло к приключению.

Вот в такую полосу полного довольства, которому сама она не умела придать новые краски, молодой пианист вошел в ее уравновешенный мирок, где обычно мужчины лишь пресными шутками и невинными любезностями почтительно отдавали дань ее красоте, по-настоящему не ощущая в ней женщины, и тут впервые с девических времен что-то всколыхнулось в ее душе. В нем самом ее привлек, пожалуй, лишь налет печали, подчеркивавший и без того нарочитую томность его лица. Ирене, привыкшей видеть кругом

только довольных жизнью людей, эта печаль говорила об ином, высшем мире, и ее невольно потянуло за пределы повседневных чувств, чтобы заглянуть в этот мир. Похвала, вызванная минутным умилением от его игры, быть может чересчур горячая с точки зрения приличий, заставила сидевшего у рояля музыканта взглянуть на молодую, женщину, и уже в этом первом взгляде было что-то зовущее. Она испугалась и вместе с тем ощутила сладостную жуть, сопутствующую всякому страху, а дальнейшая беседа, вся словно пронизанная и опаленная скрытым пламенем, разожгла ее и без того настороженное любопытство, так что она не уклонилась от новой беседы, когда встретила с ним в концерте. Дальше они стали видеться часто и уже не случайно. Ей льстило, что для него, настоящего артиста, она так много значит как ценительница и советчица, в чем он не раз уверял ее, и всего через несколько недель их знакомства она опрометчиво согласилась на его предложение - ей, одной ей сыграть свою новую вещь у себя дома; возможно, что у него отчасти и были такие благие намерения, но они потонули в поцелуях и страстных объятиях. Первым ощущением Ирены после того как она, неожиданно для себя, отдалась ему, был испуг перед этим поворотом в их отношениях; таинственное очарование развеялось в один миг, и чувство вины за измену мужу лишь отчасти умерялось тщеславным сознанием, что она, как ей казалось, добровольно, впервые отринула свой респектабельный мирок.

В первые дни она ужасалась собственной порочности, но мало-помалу, повинувшись голосу тщеславия, стала даже гордиться ею. Впрочем, все эти сложные чувства волновали ее очень недолго. Что-то бессознательно отталкивало ее в этом человеке, главным образом то новое, непривычное, что собственно и пленило ее. Страстность, которая увлекала ее в его музыке, становилась тягостной в минуты близости, его порывистые властные объятия были ей даже неприятны, она невольно сравнивала его себялюбивую необузданность с робким, после стольких лет супружества, благоговейным пылом мужа. Но, согрешив однажды, она вновь и вновь возвращалась к любовнику, без восторга и без разочарования, из своеобразного чувства долга и еще потому, что ей лень было побороть эту новую привычку. Прошло немного времени, и она уже отвела своему возлюбленному определенное местечко в жизни, назначила для него, как для родителей мужа, определенный день в неделе; но эта связь ничуть не изменила обычного течения ее жизни и только что-то добавила к ней. Вскоре возлюбленный вошел в благоустроенный механизм ее существования, как некий довесок равномерного счастья, как третий ребенок или новый автомобиль, и запретное любовное приключение уже ничем не отличалось от дозволенных радостей.

И вот впервые, когда ей надо было заплатить за это приключение настоящей ценой - опасностью, она принялась мелочно вычислять его истинную стоимость. Она была так избалована судьбой и заласкана близкими, так привыкла благодаря богатству почти не иметь желаний, что первое же затруднение оказалось ей не под силу. Она не пожелала поступиться хотя бы в малейшей степени своей душевной безмятежностью и, почти не задумываясь, сразу же решила пожертвовать возлюбленным ради своего покоя.

В тот же день к вечеру посыльный принес в ответ от возлюбленного испуганное, бессвязное письмо. Это письмо, наполненное растерянными мольбами, жалобами и упреками, слегка поколебало ее решимость покончить с приключением очень уж льстила ее тщеславию пылкость любовника и его страстное отчаяние. Он настойчиво просил ее хоть о мимолетной встрече, чтобы оправдаться, если он чем-нибудь невольно обидел ее, и теперь ее уже манила новая игра подольше сердиться на него, чтобы стать ему еще желаннее. Поэтому она велела ему прийти в ту кондитерскую, где, как ей вдруг вспомнилось, у нее в девические годы было свидание с одним актером, свидание настолько почтительное и невинное, что теперь оно казалось ей ребячеством. Забавно, с улыбкой подумала она, что романтика, совсем заглохшая за время супружеской жизни, вновь распускается пышным цветом. И она уже готова была радоваться вчерашнему столкновению, оказавшему на нее такое сильное, живительное действие, что нервы ее, обычно легко приходившие в равновесие, тут все еще продолжали вибрировать.

На этот раз она надела темненькое, незаметное платье и другую шляпу, чтобы, на

случай новой встречи, сбить с толку вымогательницу. Она собралась было закрыть лицо, но из какого-то внезапно охватившего ее задора отложила вуаль. Неужели ей, достойной, уважаемой женщине, нельзя спокойно показаться на улице из страха перед какой-то тварью?

Только в первую минуту, когда она вышла из дому, ее пронизало мимолетное чувство страха, нервный озноб, какой бывает, когда пробуешь воду кончиками пальцев, прежде чем окунуться в море. Но эта холодная дрожь через секунду сменилась уверенностью в себе, непривычным для нее самолюбованием; ей нравилось, что она такая легкая, гибкая, сильная, а такой упругой, стремительной походки у нее не было никогда. Ей даже стало жаль, что кондитерская так близко - что-то неудержимо влекло ее навстречу неизведанным и заманчивым приключениям. Но время свидания приближалось, и фрау Ирене приятно было думать, что возлюбленный уже ждет ее. Он сидел в углу и, увидев ее, вскочил с неподдельным волнением, которое и льстило ей и тяготило ее. Ей пришлось попросить, чтоб он говорил потише, таким вихрем вопросов и упреков прорвалась его душевная тревога. Ни слова не сказав об истинной причине своего отказа от условленного свидания, она играла намеками, загадочность которых лишь сильнее раззадоривала его. Она не сдалась на его просьбы, чувствуя, как взвинчивает его эта необъяснимая, внезапная неприступность.

Когда после бурного получасового разговора Ирена ушла, не позволив молодому человеку ни малейшей нежности и даже ничего не пообещав на будущее, она вся трепетала от того особенного возбуждения, какое испытывала только девушкой. Ей казалось, что где-то там, в глубине, горит обжигающий огонек и только ждет, чтобы ветер раздул его в пламя, которое охватит ее всю. Идя по улице, она жадно ловила каждый брошенный на нее взгляд, это дружное и откровенное мужское восхищение было для нее непривычно, и ей вдруг так захотелось посмотреть на себя, что она остановилась перед зеркалом в витрине цветочного магазина, чтобы увидеть собственную красоту в рамке из красных роз и обрызганных росой фиалок. С девических времен не чувствовала она себя такой легкой, окрыленной; ни в первые дни замужества, ни от объятий любовника по телу ее не пробегали такие, как сейчас, электрические искры, и ей стало нестерпимо досадно, что вся эта удивительная легкость, все сладостное опьянение будет зря растрчено на однообразную повседневность. Вяло побрела она домой. У подъезда она замешкалась, чтобы еще раз полной грудью вдохнуть знойный пьянящий воздух запретного приключения, чтобы его последняя, иссякающая волна прихлынула к самому сердцу.

Тут кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась. - Это вы... вы? Что вам опять надо? - в смертельном испуге пролепетала она, увидев перед собой ненавистное лицо, и еще сильнее испугалась своих собственных неосторожных слов. Ведь она же твердо решила не признать эту женщину, если им случится встретиться, все отрицать, дать резкий отпор вымогательнице... Но теперь уже было поздно.

- Я битых полчаса дожидаюсь вас тут, фрау Вагнер.

Ирена вздрогнула, услышав свою фамилию. Значит, этой твари известны и адрес и имя. Теперь все погибло, теперь она полностью в ее власти.

- Да, фрау Вагнер, я вас дожидаюсь битых полчаса, укоризненно и угрожающе повторила женщина.

- Что... что же вам нужно от меня?

- Сами знаете, фрау Вагнер. - Ирена снова вздрогнула, услышав свое имя. - Отлично знаете, зачем я пришла.

- Я больше ни разу с ним не виделась и никогда больше не увижусь... Только оставьте меня... Никогда больше...

Женщина невозмутимо подождала, пока у Ирены от волнения пресекался голос. А затем резко оборвала ее, словно подчиненную:

- Бросьте врать! Я за вами шла да самой кондитерской, и, увидев, что Ирена отшатнулась, насмешливо добавила: Делать-то мне нечего. Со службы меня уволили. Говорят, тяжелые времена, работы мало. Ну как же не попользоваться свободным временем. Чем мы хуже благородных дам, нам тоже хочется погулять.

Это было сказано с холодной злобой, уязвившей Ирену в самое сердце. Она чувствовала себя безоружной перед такой неприкрытой, вульгарной низостью, а в голове мутилось от страха, что эта тварь сейчас опять закричит во весь голос или мимо пройдет муж, и тогда все будет кончено. Торопливо нащупала она в муфте серебряную сумочку и выгребла оттуда все деньги, какие ей попались.

Но нагло протянутая рука не опустилась смиренно, едва ощутив деньги, как в тот раз, а застыла в воздухе, словно растопыренная когтистая лапа.

- Давайте заодно и сумочку, а то как бы мне деньги не потерять, - с утробным смешком выговорили презрительно вскинутые губы.

Ирена посмотрела шантажистке прямо в глаза, но тотчас отвела взгляд. Эта наглая, грубая насмешка была нестерпима. Отвращение, точно жгучая боль, пронизало ее. Только бы скорее уйти, только бы не видеть этого лица! Отвернувшись, она торопливо сунула вымогательнице драгоценную сумочку и, подгоняемая страхом, взбежала по лестнице.

Мужа еще не было дома; упав на диван, Ирена долго лежала неподвижно, словно ее оглушили обухом. Лишь услышав в передней голос мужа, она с величайшим усилием встала и машинально поплелась в соседнюю комнату.

Теперь ужас водворился у нее в доме и не отступал ни на шаг. В долгие, ничем не занятые часы, когда подробности страшной встречи одна за другой вставали в ее памяти, она совершенно ясно поняла безвыходность своего положения. Эта тварь, непонятно каким образом, узнала и ее адрес и фамилию, и, раз первые попытки шантажа оказались так успешны, она, без сомнения, ничем, не погнушается, лишь бы побольше выжать из своей осведомленности. Год за годом будет она тяготеть над ее жизнью, как кошмар, который не стряхнешь даже самым отчаянным усилием, потому что, несмотря на собственные и мужнины средства, фрау Ирена не могла бы без ведома мужа собрать достаточно крупную сумму, чтобы раз и навсегда откупиться от этой твари. Да и кроме того она знала из случайных рассказов мужа и из тех дел, которые он вел, что любые договоры и соглашения с такими отпетыми мошенниками ничего не стоят. В лучшем случае ей удастся на месяц, на два отсрочить беду, а там непрочное здание ее семейного счастья неизбежно рухнет, а если она увлечет за собой и свою мучительницу-радости ей от этого будет мало. С ужасающей ясностью видела она, что беда неотвратима, выхода нет. Но как... как именно это произойдет - с утра до ночи решала она роковой вопрос. Наступит день, когда мужу принесут письмо; она ясно представляла себе, как он войдет, бледный, нахмуренный, схватит ее за руку, начнет допрашивать... Но потом... что произойдет потом? Как он поступит? На этом ее воображение иссякало - все тонуло в мрачном сумбуре жестокого страха. Она не могла додумать до конца, от беспочвенных догадок у нее голова шла кругом. За эти долгие часы мучительного раздумья она с ужасающей ясностью поняла лишь одно: что очень плохо знает своего мужа и потому не может предугадать, как он поступит, что он решит. Она вышла за него по желанию родителей, но, без неохоты, чувствуя к нему расположение, оправдавшее себя с годами; прожила бок о бок с ним восемь благополучных, мирно размеренных лет, все у них было общее - дети, дом, бесчетные часы близости, и только сейчас, стараясь представить себе, как он поступит, она поняла, каким чуждым и незнакомым остался он для нее. Лишь теперь она перебирала всю их жизнь, стараясь по отдельным поступкам разгадать его характер. В страхе своем она судорожно цеплялась за каждое ничтожное воспоминание, надеясь найти ключ к заповедным тайникам его сердца.

Так как словами он не выдавал своих затаенных помыслов, то теперь, когда он с книгой сидел в кресле, ярко освещенный электрической лампой, она пытливо вглядывалась в него. Как в чужое лицо, старалась она проникнуть взглядом в лицо мужа и по этим знакомым чертам, ставшим вдруг чужими, узнать его характер, который не раскрылся перед ее равнодушием за восемь лет совместной жизни. Лоб был ясный и благородный, как будто вылепленный мощным и деятельным умом, зато рот выражал строгую непреклонность. Все-в его мужественных чертах дышало энергией и силой. Неожиданно для нее самой ей вдруг открылась красота этого волевого лица, с удивлением созерцала она его вдумчивую

сосредоточенность и ясно выраженную твердость. Но глаза, в которых таилась главная разгадка, были опущены в книгу и недоступны ее наблюдению. Ей оставалось только испытующе смотреть на профиль мужа, как будто в его смелых очертаниях было запечатлено слово прощения или проклятия, на этот незнакомый профиль, пугавший ее своей суровостью и привлекавший своеобразной красотой, которую она впервые почувствовала в его энергичном складе. Внезапно она осознала, что смотрит на него с удовлетворением и гордостью. Тут он поднял глаза, а она торопливо отшатнулась в темноту, чтобы не пробудить подозрения своим страстно вопрошающим взглядом.

Три дня она не показывалась на улицу и уже стала с беспокойством замечать, что окружающим бросается в глаза ее домоседство, - обычно она редкий день безвыходно просиживала у себя.

Первыми заметили эту перемену дети, особенно старший мальчуган, не замедливший выразить простодушное удивление, что мама теперь так много бывает дома, меж тем как прислуга только шушукалась и делилась своими догадками с бонной. Тщетно пыталась она доказать, что ее присутствие необходимо по самым разнообразным, большей частью удачно придуманным причинам, но во что бы она ни вмешивалась, она только нарушала заведенный порядок, каждая ее попытка помочь вызывала недоумение. При этом она не умела ступеваться, тактично уединиться и сидеть в своей спальне за книгой или работой; нет, внутренняя тревога, выражавшаяся у нее, как всякое сильное переживание, в нервном возбуждении, гнала ее из комнаты в комнату. При каждом звонке по телефону или на парадном она вздрагивала, чувствуя, как от малейшего толчка обрывается и превращается в ничто ее безмятежное существование; она сразу же падала духом, и ей уже мерещилась безвозвратно загубленная жизнь. Эти три дня, которые она просидела в своих комнатах, как в темнице, показались ей длиннее восьми лет замужества.

Но на третий вечер ей пришлось выйти из дому: они с мужем давно уже были приглашены в гости, и отказаться без достаточно веских причин не представлялось возможным. Да и нужно же, наконец, чтобы не сойти с ума, сломать этот незримый частокол ужаса, которым была теперь обнесена ее жизнь. Ей хотелось видеть людей, на несколько часов отдохнуть от себя, прервать самоубийственное одиночество страха. И кроме того, где может она чувствовать себя в большей безопасности от невидимого неотступного преследования, чем в чужом доме, среди друзей? Только один миг, тот короткий миг, когда она впервые после тягостной встречи ступила на улицу, ей стало страшно, что шантажистка караулит где-то тут, поблизости. Она невольно схватила руку мужа, зажмурилась и пробежала несколько шагов по тротуару до ожидавшего их автомобиля, но когда, сидя в машине под защитой мужа, она мчалась по обезлюдевшим в этот поздний час улицам, тяжесть мало-помалу свалилась с ее сердца, и, поднимаясь по лестнице чужого дома, она уже чувствовала себя вне опасности. На несколько часов она могла снова стать такой же беззаботной и веселой, какой была много лет до того, и даже радоваться более глубокой сознательной радостью узника, который вырвался из стен тюрьмы на солнечный свет. Здесь она была ограждена от преследования, ненависть не могла проникнуть сюда, здесь вокруг нее были люди, любившие и уважавшие ее, восхищавшиеся ею, нарядные, беспечные люди, окруженные искристым розовым ореолом легкомыслия, и этот хоровод наслаждения наконец-то снова сомкнулся вокруг нее. Ибо в первую же минуту взгляды присутствующих сказали ей, что она хороша, и она стала еще лучше от давно не испытанного чувства уверенности в себе.

Из соседнего зала неслись призывные звуки музыки и проникали в ее разгоряченную кровь. Начались танцы, и не успела она опомниться, как очутилась в самой гуще Толпы. Так она не танцевала ни разу в жизни. Этот кружащийся вихрь сделал ее невесомой, ритм проникал в каждую частицу тела, окрыляя его огненным движением. Как только музыка прекращалась, Ирена болезненно ощущала тишину, беспокойный огонь пробегал по ее напряженным мышцам, и как в охлаждающую, успокаивающую, баюкающую воду, окуналась она снова в этот круговорот. Обычно она танцевала довольно посредственно,

рассудочная сдержанность делала ее движения угловатыми, чересчур осторожными, но дурман вырвавшейся на волю радости уничтожил внутреннюю скованность. Порвалась железная узда, в которой рассудок и стыд держали самые ее буйные страсти, и теперь Ирине казалось, что она тает и растворяется в бездумном блаженстве. Она ощущала объятия чьих-то рук, мимолетные касания, слова, точно вздохи, волнуемый смех, музыку, звеневшую в крови; все ее тело трепетало как натянутая струна, платье жгло ее, ей хотелось сбросить все покровы, чтобы нагой глубже впитывать в себя этот дурман.

- Ирена, что с тобой? - Она обернулась, пошатываясь, блестя глазами, вся еще разгоряченная объятиями партнера. И тут ее прямо в сердце поразил холодный, жесткий взгляд удивленно, в упор смотревшего на нее мужа. Она испугалась: может быть, она слишком дала себе волю и что-то выдала своим иступлением?

- Почему ты спрашиваешь, Фриц? - пролепетала она, растерявшись от его разящего взгляда, который впивался в нее все глубже и глубже, так что она ощущала его теперь в самом сердце. Ей хотелось кричать от этого беспощадного инквизиторского взгляда.

- Очень странно, - после долгого молчания вымолвил он. В голосе его слышалось недоумение. Она не осмелилась спросить, что он хочет этим сказать, но по ее телу прошла дрожь, когда он отвернулся, не добавив ни слова, и она увидела его плечи, широкие, крепкие, массивные, а над ними упрямый, словно выкованный из железа затылок. Такой бывает у убийц, подумала Ирена и тут же отмахнулась от этой нелепой мысли. Только сейчас она как будто впервые увидела собственного мужа и с содроганием поняла, как он силен и опасен.

Снова заиграла музыка. Какой-то господин подошел к Ирине, она машинально оперлась на его руку. Но теперь все в ней отяжелело и веселая мелодия не могла вдохнуть жизнь в ее словно налитые свинцом ноги. Гнетущая тяжесть шла от сердца к ногам, и каждый шаг причинял ей страдание. Она принуждена была просить кавалера, чтобы он извинил ее. Возвращаясь на свое место, она невольно оглянулась, нет ли поблизости мужа, и вся задрожала он стоял вплотную за ней, как будто поджидая ее, и снова его холодный взгляд скрестился с ее взглядом. Что с ним? Что он уже знает? Она машинально запахнулась, словно желая защитить от него обнаженную грудь. Его молчание было так же упорно, как и взгляд.

- Может быть, уедем? - робко спросила она.

- Да. - Голос звучал жестко и неласково. Он пошел вперед. И она опять увидела массивный, угрожающий затылок. На нее надели шубку, но ее по-прежнему пробирал озноб. Молча ехали они бок о бок. Ирена боялась заговорить. Смутно чуяла она новую опасность. Теперь ей нигде не было прибежища.

Эту ночь ей привиделся страшный сон. Музыка гремела в высоком и светлом зале. Она вошла, и ее окружила пестрая толпа. Вдруг к ней протиснулся какой-то молодой человек, она как будто знала его, но не могла вспомнить, кто он. Он взял ее под руку, и они пошли танцевать. Ей было отраднo и сладко, волна музыки подняла ее и понесла над землей. Так они танцевали через анфиладу зал, где высоко под потолком золоченые люстры, точно звезды, сияли огоньками свечей, а стенные зеркала возвращали Ирине ее собственную улыбку и передавали ее дальше в бессчетных отражениях. Все стремительней становился танец, все зажигательнее играла музыка. Ирена чувствовала, что юноша все теснее прижимается к ней, пальцы его глубже зарываются в ее обнаженное плечо. Она застонала от сладостной боли и, встретившись с ним взглядом, вспомнила, кто он. Это был актер, которого она еще совсем девочкой обожала издали, и только она собралась в упоении произнести его имя, как он заглушил ее возглас жгучим поцелуем. И так, уста к устами, слившись воедино в жарком объятии, мчались они по залам, точно уносимые благодатным ветром. Мимо скользили стены, Ирена уже не видела над собой потолка, не ощущала ни времени, ни своего освобожденного от пут тела. Вдруг кто-то дотронулся до ее плеча. Она остановилась, и с ней остановилась музыка, погасли огни, черные стены обступили ее, а спутник исчез. "Отдай мне его, воровка!" - закричала страшная незнакомка так, что

отозвались стены, и впились ледяными пальцами ей в руку. Она рванулась и сама услышала свой крик, безумный, пронзительный крик ужаса; завязалась борьба, незнакомка взяла верх, сорвала с нее жемчужное ожерелье, а заодно и половину платья, так что из-под ключев ткани выглянули обнаженные плечи и грудь. И вдруг откуда-то опять появились люди, шум нарастал, люди сбегались отовсюду и насмешливо глазели на нее и на страшную тварь, а та визжала во весь голос: "Развратница, потаскуха! Отняла его у меня!" Она не знала, куда спрятаться, куда смотреть, а ослабленные рожи подступали все ближе, любопытные взгляды ощупывали ее наготу, и вот, когда ее помутившийся взгляд, ища спасения, устремился вдаль, она внезапно увидела в дверях неподвижную фигуру мужа, его правая рука была спрятана за спиной. Она вскрикнула и бросилась бежать от него через всю анфиладу зал, алчная толпа ринулась за ней, а она чувствовала, что платье сползает с нее все ниже и ниже и скоро упадет совсем. Вдруг перед ней распахнулась дверь, она стремглав сбежала по лестнице, надеясь спастись, но внизу уже ждала гнусная тварь в своей замызанной шерстяной юбке и тянулась к ней цепкими когтями. Ирена шарахнулась в сторону и, не помня себя, кинулась вперед, та за ней, и так они долго бежали в темноте по длинным, безмолвным улицам, а фонари, скалясь, нагибались к ним. Она все время слышала, как топчут за ее спиной деревянные башмаки той твари, но стоило ей повернуть за угол, как та же тварь выскакивала ей навстречу; она караулила за каждым углом, в каждом подъезде справа и слева; она была повсюду, она множилась с ужасающей быстротой, ее нельзя было обогнать, всякий раз она оказывалась впереди и пыталась схватить Ирену, у которой уже подгибались колени. Вот наконец-то дом, она бросилась туда, распахнула дверь, но на пороге стоял муж с ножом в руке и смотрел на нее все тем же испытующим взглядом. "Где ты была?" - сурово спросил он. "Нигде", - услышала она собственный голос, а за спиной уже зазвучал пронзительный хохот. "Я видела, видела!" - визжала та тварь, хохоча, как безумная. Тут муж взмахнул ножом. "Спасите! Спасите!" - закричала Ирена.

Она открыла глаза, и ее испуганный взгляд встретился со взглядом мужа. Что это... что такое? Она у себя в спальне, под потолком тускло горит фонарик, она дома, в своей постели, а то был только сон. Но почему у постели сидит муж и смотрит на нее, как на больную? Кто зажег свет, и почему это муж сидит так неподвижно, с таким суровым видом? Ей стало очень страшно. Невольно взглянула она на его руку: нет, ножа не видно. Медленно рассеивался гнетущий кошмар с зарницами сонных видений. Значит, все это ей приснилось, она кричала со сна и разбудила мужа. Но почему он смотрит на нее таким строгим, таким сверлящим, неумолимо строгим взглядом?

Она попыталась улыбнуться. - Что ты? Почему ты так смотришь на меня? Кажется, мне привиделся страшный сон.

- Да, ты кричала очень громко. Я услышал из соседней комнаты.

"Что же я кричала, о чем проговорила, - с ужасом думала она, - о чем он догадался?" Она боялась поднять на него глаза. А он смотрел на нее очень серьезно и при этом удивительно спокойно.

- Что с тобой творится, Ирена? Ты стала неузнаваема за последние дни - дрожишь как в лихорадке, нервничаешь, чем-то озабочена. А тут еще зовешь на помощь со сна...

Она опять попыталась улыбнуться. - Нет, ты что-то от меня скрываешь, - настаивал он. - Может, у тебя какие-то неприятности или огорчения? Все в доме уже заметили, как ты переменялась. Не бойся, скажи мне, что тебя мучает.

Он пододвинулся к ней ближе, она чувствовала, как его пальцы ласкают и гладят ее обнаженную руку, а глаза светятся каким-то особенным светом. Ее неудержимо потянуло прильнуть к его сильному телу, прижаться, все рассказать ему и не отпускать его, пока он не простит. Ведь он только что видел, как она страдает. Но фонарик бросал свой тусклый свет на ее лицо, и ей стало стыдно. Она побоялась выговорить страшное слово.

- Не беспокойся, Фриц, - пыталась она улыбнуться, меж тем как по всему ее телу до кончиков пальцев пробегала дрожь ужаса. - Это просто нервы. Все пройдет.

Рука, протянувшаяся для объятия, мгновенно отодвинулась. Ирена посмотрела на мужа

и содрогнулась - он был очень бледен в этом искусственном свете, лоб хмурился от мрачных мыслей. Медленно поднялся он с места.

- А мне все эти дни казалось, что тебе нужно о чем-то поговорить. О чем-то, что касается нас двоих. Мы сейчас одни, Ирена.

Она лежала не шевелясь, словно загипнотизированная этим серьезным, загадочным взглядом. Как бы все сразу могло стать хорошо, думалось ей, если бы она сказала одно только слово, одно-единственное словечко "прости", и он не стал быспрашивать - за что. Но зачем горит свет, нескромный, наглый, любопытствующий свет? Она чувствовала, что в темноте могла бы заговорить. Но свет парализовал ее волю.

- Значит, тебе нечего, совсем нечего мне сказать?

Как велико искушение, как мягок его голос! Никогда он не говорил с ней так. Ах, если бы не свет фонарика, этот желтый, жадный свет!

Ирена встряхнулась. - Что ты сочиняешь? - рассмеялась она и сама же испугалась своего звенящего голоса. - Оттого что я тревожно сплю, у меня непременно должны быть тайны? Чего доброго, даже любовные похождения?

Она с содроганием чувствовала, как наигранно и лживо звучат ее слова, ей до глубины души стала противна собственная фальшь, и она невольно отвела взгляд.

- Что ж, спи спокойно. - Он произнес это отрывисто и даже резко. Тон его голоса совсем изменился и звучал как угроза или как злая, жестокая насмешка.

Он погасил свет. Она увидела, как удаляется его бледная тень, безмолвная, полустертая, точно ночной призрак, а когда захлопнулась дверь, у нее было такое чувство, будто закрывается крышка гроба. Весь мир, казалось ей, вымер, и только в ее оцепеневшем теле гулко и бурно билось сердце и каждый удар болью отдавался в груди.

На следующий день, когда вся семья сидела за обедом, дети только что поссорились, и их едва удалось унять, вошла горничная и подала Ирене письмо. Ждут ответа. Недоумевая, посмотрела Ирена на незнакомый почерк и торопливо вскрыла конверт. С первой же строчки она смертельно побледнела, вскочила на ноги и еще сильнее испугалась, увидев, какое единомудушное удивление вызвала ее опрометчивая горячность.

Письмо было короткое. Всего три строчки: "Прошу немедленно вручить подателю сего сто крон". Ни подписи, ни числа под этими нарочитыми каракулями, только ужасающе наглый приказ. Ирена побежала за деньгами в спальню, но она куда-то запрятала ключ от шкатулки и теперь лихорадочно выдвигала ящик за ящиком, пока не нашла его. Дрожащими руками вложила она бумажки в конверт и сама отдала письмо ожидавшемуся на парадном посыльному. Все это она проделала бессознательно, в каком-то трансе, не позволив себе ни секунды колебания. Затем она вернулась в столовую - ее отсутствие длилось не больше двух минут.

Все молчали. Она смущенно села на свое место и собралась наспех сочинить какое-то объяснение, как вдруг рука ее так задрожала, что ей пришлось спешно поставить поднятый стакан, - в страшном испуге она заметила, что от волнения оставила распечатанное письмо около своего прибора. Она украдкой скомкала листок, но, засовывая его в карман, подняла глаза и встретилась с пристальным взглядом мужа, пронизывающим, суровым и страдальческим взглядом, какого никогда не видела у него. Именно в эти последние дни его взгляд так внезапно загорался недоверием, что все обрывалось у нее внутри, но дать отпор она была неспособна. От такую взгляда у нее тогда на балу оцепенели ноги, и такой же взгляд вчера ночью как кинжал сверкнул над ней в полусне. И пока она тщетно силилась что-то сказать, у нее в памяти внезапно всплыло давно забытое воспоминание - муж как-то рассказал ей, что ему в качестве адвоката пришлось столкнуться с одним следователем, у которого был свой особый прием: во время допроса он по большей части сидел уткнувшись в бумаги и, только задав решающий вопрос, мгновенно вскидывал глаза, точно нож вонзал взгляд в растерявшегося преступника, а тот, ослепленный этой яркой вспышкой пронизательности, терял самообладание и, почувствовав свое бессилие, переставал отпираться. А вдруг он сам теперь решил поупражняться в этом опасном искусстве и избрал

ее жертвой? Ей стало страшно, тем более что она знала, какую страстность психолога, далеко превосходящую требования юриспруденции, вкладывал он в свою профессию. Выследить, раскрыть преступление, вынудить признание - все это увлекало его так же, как других игра в карты или в любовь, и в те дни, когда он бывал занят такой психологической слежкой, он весь внутренне горел. Жгучее беспокойство, заставлявшее его ночи напролет рыться в старых давно забытых делах, для постороннего взгляда было скрыто за железной непроницаемостью. Он мало ел и пил, только курил непрерывно и почти не говорил, словно все свое красноречие берег к выступлению на суде. Ирена только раз присутствовала при его защите и ни за что не пошла бы вторично, так ее напугала мрачная страстность, почти что яростный пыл его речи и что-то угрюмое, жестокое в выражении лица, что, казалось ей, она видела теперь в его пристальном взгляде из-под грозно насупленных бровей.

Все эти далекие воспоминания разом нахлынули на нее в этот короткий миг и не давали ей вымолвить хотя бы слово. Она молчала и чем дольше молчала, тем сильнее волновалась, понимая, как опасно это молчание. К счастью, обед скоро кончился, дети выскочили из-за стола и побежали в соседнюю комнату с громким, веселым щебетом, а бонна тщетно старалась утихомирить их. Муж тоже поднялся и, не оглядываясь, тяжелой поступлю пошел к себе в кабинет.

Едва оставшись одна, Ирена достала роковое письмо, еще раз прочла: "Прошу немедленно вручить подателю сего сто крон", а затем яростно разорвала его на мелкие клочки и собралась было выбросить в корзинку для бумаг, но одумалась, нагнулась к печке и бросила бумажки в огонь. Когда белое пламя жадно пожрало эту угрозу, Ирене стало покойнее на душе.

В это мгновение она услышала шаги мужа - он был уже на пороге. Она вскочила, вся красная от жара печки и от того, что ее застигли врасплох. Печная дверца была еще предательски открыта, и Ирена неловко пыталась заслонить ее собой. Муж подошел к столу, зажег спичку, намереваясь закурить сигару, и, когда он поднес огонек к лицу, Ирене показалось, что у него дрожат ноздри, - признак гнева. Затем он спокойно взглянул на нее.

- Я хочу только подчеркнуть, что ты вовсе не обязана показывать мне свои письма. Если тебе угодно иметь от меня тайны - воля твоя.

Она молчала, не смея поднять на него глаза. Он подождал минуту, потом с силой выдохнул сигарный дым и, грузно ступая, вышел из комнаты.

Она решила жить, ни о чем не думая, забыть себя пустыми, никчемными занятиями. Дома ей стало нестерпимо, ее потянуло снова на улицу, в толпу, а иначе, казалось ей, она сойдет с ума от страха. Она надеялась, что этой сотней крон хоть на несколько дней откупились от вымогательницы, и потому отважилась совершить небольшую прогулку, тем более что надо было кое-что купить, а главное, она видела, как удивляет домашних ее непривычное поведение.

Она выработала себе особые приемы бегства из дому. С самого подъезда она, как с трамплина, закрыв глаза, бросалась в людскую гущу. Почувствовав под ногами плиты тротуара, а кругом теплый людской поток, она устремлялась куда-то наугад с такой лихорадочной поспешностью, какая только допустима для дамы, если она не хочет обратить на себя внимание; глаз она не поднимала, вполне естественно боясь встретить знакомый угрожающий взгляд. Если за ней следят, так лучше хоть не знать об этом. И все-таки ни о чем другом она думать не могла и болезненно вздрагивала, когда кто-нибудь случайно задевал ее. Каждый нерв ее дрожал от малейшего возгласа, от звука шагов за спиной, от мелькнувшей мимо тени; только в экипаже или в чужом доме могла она вздохнуть свободно.

Какой-то господин поклонился ей. Подняв глаза, она узнала давнего друга своей семьи, приветливого, болтливого старичка, от которого она всегда старалась улизнуть, потому что он имел обыкновение часами рассказывать о своих мелких, может быть даже воображаемых, недугах. Но теперь она пожалела, что ограничилась ответным поклоном; лучше бы он пошел провожать ее - ведь такой спутник был надежной защитой от неожиданного посягательства шантажистки. Она хотела уже вернуться и окликнуть его, как вдруг ей почудились сзади

чьи-то торопливые шаги, и она инстинктивно ринулась вперед. Но обостренным от ужаса чутьем она уловила, что шаги за спиной тоже ускоряются, и шла все быстрее и быстрее, хоть и понимала, что все равно не уйдет от преследования. Ее плечи вздрагивали, уже ощущая руку, которая сейчас, сию минуту, шаги слышались все ближе, - дотронется до них, и чем скорее старалась она бежать, тем меньше повиновались ей ноги. Преследователь был уже совсем близко. - Ирена! - тихо, настойчиво окликнул ее сзади чей-то голос; она не сразу поняла чей, знала только, что не тот, которого она боялась, не голос страшной вестницы несчастья. Со вздохом облегчения она обернулась: это был ее любовник; она остановилась так резко, что он чуть не налетел на нее. Лицо его было бледно и выражало явное смятение, а под ее безумным взглядом он окончательно смутился. Нерешительно протянул он руку и снова опустил, потому что она не подала ему руки. Она только смотрела на него секунду, две, - его она никак не ожидала увидеть. Именно о нем она позабыла в эти мучительные дни. Но сейчас, когда перед ней очутилось его бледное, недоумевающее лицо с пустыми глазами, признаком внутренней неуверенности, волна бешеной злобы неожиданно затопила ее. Дрожащие губы силились что-то выговорить, а лицо было искажено таким волнением, что он в испуге пролепетал: - Ирена, что с тобой? - И, увидев ее гневный жест, добавил уже совсем смиренно: - Что я тебе сделал?

Она смотрела на него с нескрываемой злобой. - Что? Ничего! Ровно ничего! - насмешливо захохотала она. - Одно только хорошее! Самое что ни на есть приятное!

Он уставился на нее растерянным взглядом и даже рот раскрыл от удивления, отчего лицо у него стало до смешного бессмысленным. - Что ты, что ты, Ирена!

- Не поднимайте шума, - резко оборвала она, - и не прикидывайтесь дурачком. Ваша миленькая подружка, наверно, уж подглядывает из-за угла и только ждет, чтобы на меня накинуться...

- Кто? О ком вы?

Ей неудержимо хотелось размахнуться и ударить по этому застывшему в глупой гримасе лицу. Рука ее невольно стиснула зонтик. Никогда еще никто не был ей так противен и ненавистен.

- Что ты, что ты, Ирена, - все растерянее лепетал он. Что я тебе сделал?.. Ты вдруг перестала приходить... Я жду тебя дни и ночи... Сегодня я целый день простоял у твоего подъезда, чтобы хоть минуту поговорить с тобой.

- Ах, ждешь! Ты тоже! - Она чувствовала, что от злобы у нее ум мутится. Вот ударить бы его по лицу - какое это было бы облегчение! Но она сдержалась, еще раз с жгучей ненавистью посмотрела на него, чуть не поддавшись соблазну излить всю накопившуюся ярость в оскорбительных словах, а вместо этого вдруг повернулась и, не оглядываясь, вновь нырнула в людской поток. А он так и застыл на месте, растерянный, испуганный, с умоляюще протянутой рукой, пока уличная суতোлка не подхватила и не понесла его, как несет река опавший лист, а он противится, трепещет и кружась, пока безвольно не покорится течению.

Но Ирине, видимо, не суждено было предаваться утешительным надеждам. На следующий же день новая записка, как новый удар бича, подхлестнула ее ослабевший было страх. На сей раз у нее требовали двести крон, и она безропотно отдала эти деньги. Ее ужасало это стремительное нарастание требований, она понимала, что скоро не в силах будет удовлетворить их, ибо хоть она и принадлежала к состоятельной семье, но не могла незаметно урывать такие значительные суммы. Да и к чему это приведет? Она не сомневалась, что завтра с нее потребуют четыреста крон, а немного погодя целую тысячу, и чем больше она даст, тем больше у нее будут вымогать, когда же ее средства иссякнут, все это кончится анонимным письмом, катастрофой. Она оплачивала только время, только передышку, два-три дня, самое большее - неделю отсрочки. Но при этом сколько ничем не окупаемых часов мучительного ожидания!.. Она была не в силах ни читать, ни чем-либо заниматься, страх, точно злой демон, не давал ей покоя. Она чувствовала себя понастоящему больной. Временами у нее начиналось такое сердцебиение, что она не могла держаться на

ногах, тревога точно расплавленным свинцом наливала ее тело, но, несмотря на мучительную усталость, спать она тоже не могла. И хотя каждый нерв ее дрожал, ей надо было улыбаться, притворяться беспечной, и никто даже представить себе не мог, какого несказанного напряжения стоила эта мнимая веселость, сколько подлинного героизма было в этом повседневном и бесцельном насилии над собой.

Из всех ее окружающих только один человек, казалось ей, смутно догадывался о том, каково у нее на душе, догадывался лишь потому, что следил за ней. Она чувствовала, что он непрерывно занят ею, как она им, и эта уверенность заставляла ее быть постоянно настороже. Так они день и ночь выслеживали и подкарауливали друг друга, и каждый старался выведать тайну другого и понадежнее скрыть свою. Муж тоже изменился за последнее время. Грозная следовательская суровость первых дней уступила место любовному вниманию, невольно напоминавшему Ирене ту пору, когда он был женихом. Он обращался с ней, словно с больной, смущая ее своей заботливостью. У нее сердце замирало, когда она видела, как он чуть не подсказывает ей спасительное слово, как старается сделать признание заманчиво легким; она понимала его намерение, была ему благодарна и радовалась его доброте. Но вместе с теплым чувством росло и чувство стыда, которое сковывало ей уста сильнее, чем прежнее недоверие.

В один из этих дней он заговорил открыто, глядя ей прямо в глаза. Она вернулась домой и уже из передней услышала громкий разговор; резкий, решительный голос мужа и ворчливая скороговорка бонны перемежались с всхлипываниями. Сначала она испугалась. Стоило ей услышать дома громкий, взволнованный разговор, как она вся съеживалась. На все выходящее за пределы обыденности она теперь отзывалась страхом, щемящим страхом, что письмо уже пришло и тайна разоблачена. Открыв дверь, она прежде всего бросала на лица домашних торопливый взгляд, жадно вопрошающий, не случилось ли чего в ее отсутствие, не разразилась ли уже катастрофа. Но тут она почти сразу же успокоилась, поняв, что это просто детская ссора и нечто вроде импровизированного судебного разбирательства. Как-то на днях одна из теток подарила мальчику пеструю игрушечную лошадку, что вызвало зависть у младшей сестренки, получившей подарка похуже. Она пыталась предъявить свои права на лошадку, да так настойчиво, что брат запретил ей вообще трогать игрушку; тогда она сперва раскричалась, а потом затаилась в злобном, упрямом молчании. Но наутро лошадки вдруг не стало; как ни искал ее мальчуган, она бесследно исчезла, пока пропажу случайно не обнаружили в печке: деревянные части ее были разломаны, пестрая шкурка содрана, а внутренности выпотрошены. Подозрение естественным образом пало на девочку - мальчуган с ревом бросился к отцу жаловаться на обидчицу, и только что начался допрос.

Суд длился недолго. Девчурка сперва запиралась, правда с конфузливо опущенными глазками и предательской дрожью в голосе; бонна свидетельствовала против нее, она слышала, как девочка в пылу досады грозилась выбросить лошадку за окно, что малютка тщетно пыталась отрицать, потом произошла маленькая сценка со слезами ребячьего отчаяния. Ирена неотступно смотрела на мужа; у нее было такое чувство, что он правит суд не над дочкой, а решает собственную ее судьбу, ведь завтра уже она сама, быть может, будет стоять перед ним с таким же трепетом и отвечать таким же срывающимся голосом. Муж держался строго, пока девочка лгала и отрицала свою вину, но постепенно, шаг за шагом он сломил ее упорство, ни разу не выказав раздражения. Когда же на смену лжи пришло упрямое молчание, он стал ласково уговаривать ее, доказывать чуть не естественность такого дурного побуждения и до некоторой степени извинял ее гадкий поступок тем, что в порыве злости она не подумала, как огорчит брата. Он так тепло и убедительно объяснил девочке ее выходку как нечто вполне понятное и все же достойное порицания, что малютка постепенно размякла и, наконец, заревела навзрыд. И тут же сквозь слезы призналась во всем.

Ирена бросилась обнимать плачущую дочку, но та сердито оттолкнула мать. Муж в свою очередь упрекнул ее за неуместную жалость, - он не собирался оставлять проступок безнаказанным и назначил ничтожную, но для ребенка чувствительную кару: девочке было

запрещено идти завтра на детский праздник, которому она радовалась уже давно. С ревом выслушала малютка приговор, а мальчуган шумно выразил свое торжество, оказавшееся преждевременным: за такое злорадство ему тоже не позволили пойти на завтрашний праздник. Опечаленные дети в конце концов удалились, только общность наказания немного утешила их, а Ирена осталась наедине с мужем.

Вот подходящий случай, почувствовала она, отбросить всякие намеки, связанные с виной и признанием ребенка, и прямо заговорить о собственной вине. Если муж благосклонно примет ее заступничество за дочку, это будет ей знаком, что она может отважиться заговорить о себе.

- Скажи, фриц, - начала она, - неужели же ты действительно непустишь детей на праздник? Это будет для них ужасное огорчение - особенно для малютки. К чему такая строгая кара? Ведь ничего особенно страшного она не сделала. И тебе не жаль ее?

Он посмотрел на жену.

- Ты спрашиваешь: неужели мне ее не жаль? Сегодня уже нет. После того как ее наказали, ей стало гораздо легче, хоть она сейчас и огорчена. По-настоящему несчастна она была вчера, когда злополучная лошадка лежала в печке. Весь дом разыскивал ее, а малютка непрерывно дрожала от страха, что пропажу вот-вот обнаружат. Страх хуже наказания. В наказании есть нечто определенное. Велико ли оно, или мало, все лучше, чем неопределенность, чем нескончаемый ужас ожидания. Едва только она узнала, как ее накажут, ей стало легко. Пусть тебя не смущают слезы - сейчас они только вырвались наружу, раньше они скоплялись внутри. А таить их внутри куда больнее.

Ирена посмотрела на мужа. Ей казалось, что каждое слово метит прямо в нее. Но он как будто и не думал о ней.

- Верь мне, это именно так. Я это наблюдал и в суде и во время следствия. Больше всего обвиняемые страдают от утаивания правды, от угрозы ее раскрытия. Как мучительна необходимость защищать ложь от множества скрытых нападков! Страшно смотреть, как извивается и корчится обвиняемый, когда из него клещами приходится вырывать признание. Иногда оно уже совсем на языке, непреодолимая сила подняла его из самых сокровенных тайников, оно душит преступника, оно уже готово претвориться в слова - и вдруг какая-то злая воля овладевает им, непостижимая помесь упрямства и страха, он подавляет признание, загоняет его внутрь. И борьба начинается сызнова. Судьи иногда страдают от этого больше, чем жертвы. А обвиняемые видят в судьях врагов, хотя на самом деле судьи - их помощники. А мне, как их адвокату, как защитнику, следовало бы предостерегать моих подопечных от признаний, поддерживать и поощрять их ложь, но у меня часто все внутри противится этому - слишком уж они страдают от необходимости запереться, гораздо больше, чем от признания и последующей кары. Мне собственно до сих пор непонятно, как можно совершить проступок, сознавая всю связанную с ним опасность, а потом не иметь мужества признаться в нем. Малодушный страх перед решительным словом, на мой взгляд, постыднее всякого преступления.

- Ты думаешь... по-твоему... только страх удерживает людей? А может... не страх... а стыд мешает человеку раскрыться... разоблачить себя... перед посторонними?

Муж удивленно взглянул на нее. Он не привык слышать от нее возражения. Но высказанная ею мысль поразила его.

- Ты говоришь - стыд, да ведь это... как бы сказать... это тоже своего рода страх... только высшего порядка... страх не перед наказанием, а... ну да, я понимаю...

Он вскочил, явно взволнованный, и зашагал по комнате. Эта мысль, по-видимому, задела в нем самые чувствительные струны, сильно растревожила его. Вдруг он остановился.

- Допускаю... можно стыдиться посторонних... толпы, которая выуживает из газет чужую беду, смакует ее и облизывается... Но ведь близким-то можно признаться...

- А что, если... - она отвернулась; он смотрел на нее очень пристально, и она чувствовала, что у нее срывается голос. - Что, если... самым близким особенно стыдно признаться...

Он остановился перед ней, явно пораженный.

- Так по-твоему... по-твоему... - голос его сразу стал другим, мягким, глубоким... - по-твоему, Ленхен легче было бы рассказать о своем проступке кому-нибудь другому... например... бонне, а то ей...

- Я в этом уверена... Она так долго отпиралась перед тобой именно поэтому... ну, потому, что твое мнение ей важнее всего, что тебя она любит больше всех...

Он задумался на миг.

- Пожалуй, ты права, да, наверняка права. Как странно... мне это не приходило в голову. Но, конечно, ты права, и я не хочу, чтобы ты думала, что я не могу простить... Нет, именно ты не должна так думать, Ирена...

Он смотрел на нее, и она чувствовала, что краснеет под его взглядом. Умышленно он так говорит, или это случайность, коварная, опасная случайность? Все та же мучительная нерешимость тяготела над ней.

- Приговор кассирован. - Он заметно повеселел. "Ленхен свободна, я сам сейчас об этом объявлю. Ну, ты довольна мною? Или тебе еще чего-нибудь хочется... Видишь... я сегодня настроен благодушно... может быть, от радости, что вовремя спохватился, понял, что был несправедлив. Это большое облегчение, Ирена, очень большое..."

Она, казалось ей, поняла, что именно он хочет подчеркнуть. Инстинктивно она потянулась к нему, слово уже готово было сорваться с ее губ. И он тоже приблизился к ней, как будто хотел поскорее снять с нее то, что ее угнетало. Но тут она встретила его взгляд, горящий алчным нетерпением, жадной услышать ее признание, проникнуть в ее тайну, и в ней словно что-то оборвалось. Она уронила протянутую руку и отвернулась. Все напрасно, думала она, никогда не хватит у нее сил произнести то единственное спасительное слово, которое жжет ее, лишает покоя. Как раскаты близкой грозы прозвучало предупреждение, но Ирена знала, что ей все равно не спастись, и в тайниках души уже хотела того, чего до сих пор так боялась: чтобы скорее сверкнула очистительная молния, чтобы все стало известно.

Ее желанию, видимо, суждено было исполниться скорее, чем она предполагала. Борьба длилась уже две недели, Ирена дошла до полного изнеможения. Последние четыре дня шантажистка не подавала признаков жизни, но страх прочно въелся в плоть и кровь Ирены, - при каждом звонке на парадном она вскакивала, чтобы перехватить новые вымогательские требования. Она ждала их нетерпеливо, чуть не страстно, - ведь удовлетворив эти требования, она докупала себе целый вечер покоя, несколько мирных часов в обществе детей, прогулку.

И на этот раз, услышав звонок, она бросилась к парадной двери, открыла и в первую минуту удивилась при виде пышно разодетой дамы, но тут же испуганно шарахнулась, узнав под новомодной шляпкой ненавистную физиономию вымогательницы.

- А, вы дома, фрау Вагнер. Мне повезло. У меня к вам важное дело. - Не дожидаясь ответа растерянной Ирены, которая дрожащей рукой ухватилась за дверь, вымогательница вошла и прежде всего положила зонтик, кричащий красный зонтик, очевидно первый плод ее грабительских набегов. Двигалась она с необычайной уверенностью, точно в своей собственной квартире; окинув изящное убранство одобрительным и явно удовлетворенным взглядом, она без приглашения проследовала к полуотворенной двери в гостиную. - Сюда, не правда ли? - спросила она с затаенной насмешкой, и когда онемевшая от потрясения Ирена жестом попыталась остановить ее, успокоительно добавила: - Если вам неприятно, я не задержусь, дело минутное.

Ирена беспрекословно пошла за ней. Вторжение шантажистки в ее дом, своей наглостью превзошедшее все самые страшные ожидания, совершенно ошеломило ее. Ей казалось, будто это сон.

- Н-да, ничего не скажешь, богато живете, - с нескрываемым удовольствием заметила шантажистка, усаживаясь в кресло. - Мягко-то как. А сколько картин! Тут только и понимаешь наше убожество. Богато вы живете, фрау Вагнер, очень богато.

При виде преступницы, удобно расположившейся у нее в комнатах, несчастная

женщина не выдержала и дала волю возмущению.

- Что вам от меня надо, подлая вы шантажистка! Как вы смели прийти ко мне домой! Не думайте, я не позволю так измываться надо мной. Я вас...

- Говорите потише, - прервала та с оскорбительной фамильярностью. - Дверь открыта, прислуга услышит. Мне-то что! Я ведь не скрываюсь. Господи боже мой! Не все ли мне равно - в тюрьме ли сидеть, или бедствовать на воле. А вам бы следовало быть поосторожнее, фрау Вагнер. Давайте я прежде всего закрою дверь, на случай если бы вы вздумали опять погорячиться. Только знайте заранее, бранью меня не проймешь.

На короткое мгновение гнев придал Ирене силы, но теперь она снова почувствовала себя беспомощной перед невозмутимой наглостью противницы. Как ребенок, ожидающий, какой ему зададут урок, стояла она испуганно и почти смиренно.

- Ну вот, значит незачем нам волынку разводить.

Живется мне не сладко, я ведь вам говорила. Я уж давно задолжала за квартиру. Да и кроме того мне кое-что нужно. Хочется когда-нибудь вздохнуть свободно. Вот я к вам и пришла за помощью. Дайте мне... ну, скажем, четыреста крон.

- Я не могу, - пролепетала Ирена, испугавшись размеров суммы, которой у нее и в самом деле не было наличности, - у меня нет таких денег. За этот месяц я уже дала вам триста крон.

- Ну, как-нибудь наскребите, подумайте хорошенько. Как такой богачке не найти денег? Стоит только захотеть. Подумайте хорошенько, авось найдете.

- Да нет у меня таких денег. Я бы охотно дала вам, но у меня нет. Вот сто крон я бы могла...

- А мне нужно четыреста, - отрезала та, как будто даже оскорбленная таким предложением.

- Поймите, у меня их нет! - в отчаянии воскликнула Ирена. "А вдруг сейчас придет муж, - думала она, - он каждую минуту может прийти". - Даю вам слово, нет...

- Ну, так достаньте где-нибудь...

- Не могу.

Шантажистка оглядела Ирину с головы до ног, словно прикидывая ее возможности.

- Ну, вот, например, кольцо... Если его заложить, оно все окупит. Правда, я не больно-то разбираюсь в драгоценностях... у меня их сроду не бывало... но четыреста крон, по-моему, за него дадут...

- Как! Кольцо? - вскрикнула Ирена. Это кольцо муж подарил ей в день помолвки, и она носила его не снимая; кольцо было очень дорогое, с крупным ценным камнем.

- А почему бы и нет? Я пришлю вам ломбардную квитанцию, можете его выкупить, когда захотите. Я ведь не навсего его беру, на что бедной женщине такое богатое кольцо.

- За что вы меня преследуете и мучаете? Я не могу... Поймите же, не могу... Я делала все, что могла. Поймите это! Пожалейте меня!

- А меня никто не пожалел. Пусть, мол, подыхает с голоду. Отчего же это я должна жалеть такую богачку?

Ирена хотела ответить резкостью, но тут она услышала, как хлопнула входная дверь, и кровь застыла у нее в жилах. Должно быть, это муж вернулся из конторы. Не помня себя она сорвала с пальца кольцо и сунула вымогательнице, а та не замедлила его припрятать.

- Не бойтесь, я сейчас смоюсь, - успокоительно заметила посетительница, увидев, какой невыразимый ужас написан на лице Ирены и как напряженно она прислушивается к мужским шагам, явственно доносившимся из передней. Отворив дверь, шантажистка поклонилась мужу Ирены, который бросил на нее рассеянный взгляд, и удалилась.

- Эта дама приходила кое о чем узнать, - собрав последние силы, пояснила Ирена, как только за той захлопнулась дверь. Самое страшное миновало. Муж ничего не ответил и невозмутимо прошел в столовую, где уже было накрыто к обеду.

Ирене казалось, будто у нее горит то место на пальце, которое обычно охлаждал золотой обручик кольца, и будто каждый непременно обратит внимание на это оголенное место, как

на позорное клеймо. За обедом она все время старалась прятать руку, но при этом какое-то небывало обостренное чутье нашептывало ей, что муж не спускает глаз с ее руки, следит за каждым ее движением. Она пыталась отвлечь его и непрерывными вопросами поддерживала беседу. Она обращалась к мужу, к детям, к бонне, всеми силами оживляла еле тлеющий разговор, но силы ей изменяли и разговор то и дело иссякал. Она старалась казаться веселой и развеселить остальных, поддразнивала детей, натравливала их друг на дружку, но они не ссорились и не смеялись: она и сама сознавала, что в веселости ее чувствовалось притворство, коробившее всех. Как она ни изощрялась, все ее усилия были напрасны. Наконец, она утомилась и замолчала. Остальные тоже молчали; она слышала только позвякивание посуды да нарастающий внутренний голос страха.

- А куда ты дела кольцо? - спросил вдруг муж.

Она вздрогнула. Внутренний голос внятно произнес: кончено! Но что-то в ней еще не желало сдаваться. Надо взять себя в руки, найти силы для одной только фразы, одного слова. Придумать одну только последнюю ложь.

- Я... я отдала его почистить.

И ободренная собственной выдумкой, она решительно добавила: - Послезавтра оно будет готово.

Послезавтра. Теперь она связала себя. Если ей ничего не удастся сделать, ложь будет разоблачена, и тогда всему конец. Она сама назначила себе срок, и сквозь хаос страха вдруг пробилося новое чувство, чувство радости, что развязка так близка. Послезавтра: срок оказан, и из этой непреложности родилось необычайное спокойствие, заглушившее страх. Изнутри подымалось что-то новое, новая сила, сила жить и сила умереть.

Твердая уверенность в близкой развязке неожиданным образом прояснила все в ее душе. Смятение как по волшебству сменилось четкостью мышления, страх уступил место непривычному ей прозрачному покою, сквозь призму которого она вдруг ясно увидела истинную цену того, что составляло ее существование. Она поняла, что жизнь не окончательно утратила для нее значение, и, если ей дано сохранить эту жизнь и сделать еще значительнее в том новом высоком смысле, который открылся ей за эти дни мучительного страха, и если можно начать жизнь сызнова без грязи, без боязни, без лжи, она к этому готова. Но жить разведенной женой, опозоренной прелюбодейкой - для этого у нее нет сил, как и нет сил продолжать опасную игру, покупая себе спокойствие на определенный срок. Спротивление бесполезно - это она понимала, развязка близка, гибель грозит ей и от мужа, и от детей, и от нее самой. Бегство немыслимо, когда враг оказывается вездесущим. А самый верный выход - признание для нее недоступен, в этом она убедилась. Значит, ей открыт лишь один-единственный путь, путь без возврата.

Утром она сожгла свою переписку, привела в порядок разные мелкие дела, но при этом избегала смотреть на детей и вообще на все то, что было ей дорого. Она боялась, как бы жизнь не поманила ее вновь радостями и соблазнами и как бы бесцельные колебания не затруднили ей и без того тяжелое решение. Затем она еще раз вышла на улицу, чтобы напоследок испытать судьба и встретить вымогательницу. Не останавливаясь, шагала она из улицы в улицу, но без прежней лихорадочной настороженности. Она уже внутренне устала от борьбы и чувствовала, что дальше бороться не может. Точно по обязанности проходила она целых два часа, но нигде не встретила своего недруга и даже не огорчилась этим. Она настолько обессилела, что почти не желала встречи. Она вглядывалась в лица прохожих, и они казались ей чуждыми, ненужными и неживыми. Все это уже отошло куда-то, было для нее безвозвратно потеряно.

Только один раз она опять испугалась. Ей почудился в толпе на той стороне улицы устремленный на нее взгляд мужа, тот странный, суровый, колючий взгляд, который появился у него с недавних пор. Она стала судорожно всматриваться, но знакомая фигура тут же исчезла за проезжавшим экипажем, и Ирена успокоила себя тем, что в это время муж всегда бывает в суде. От нервного напряжения она утратила чувство времени и опоздала к обеду. Но и муж изменил своей обычной пунктуальности и пришел спустя две минуты, ей

показалось, что он чем-то взволнован.

Она стала считать часы, оставшиеся до вечера, и ей сделалось страшно, что их осталось так много, а для прощания надо так мало времени и так мало все имеет цены, когда знаешь, что с собой ничего не возьмешь. Ею овладела какая-то сонливость. Машинально спустилась она опять на улицу и пошла наугад, не оглядываясь, ни о чем не думая. На перекрестке кучер едва успел сдержать лошадей, иначе дышло непременно сбilo бы ее с ног. Кучер грубо выругался, а Ирена даже не обернулась - это могло быть спасением или отсрочкой. Случай избавил бы ее от необходимости решиться. Медленно побрела она дальше - хорошо было идти без мыслей, о одном только смутным ощущением конца, который точно легким туманом, незаметно сгущаясь, обволакивал все.

Случайно подняв взгляд, чтобы прочесть название улицы, она вся задрожала в своем бесцельном блуждании она незаметно добрела почти до самого дома своего бывшего любовника. А что, если это перст судьбы? Вдруг он чем-нибудь может помочь ей, ведь он, надо полагать, знает адрес той твари. Ее охватило радостное возбуждение. Как она не подумала об этом? Сразу же шаги стали стремительнее; подстегнутые надеждой, закружились в голове бессвязные мысли. Она заставит его пойти вместе с ней к той негодной твари и навсегда положить этому конец. Пусть пригрозит ей судом, если она не прекратит шантажа, а может, достаточно будет сунуть ей какие-то деньги и удалить ее из города. Ирене стало вдруг жаль, что она при встрече так неласково обошлась с беднягой, но все равно, он обязательно поможет ей. Как странно, что спасение является сейчас, в самую последнюю минуту.

Стремительно взбежала она наверх и позвонила. Никто не открыл. Она прислушалась: ей померещились за дверью осторожные шаги. Она позвонила еще раз. Снова ни звука. И снова какой-то шорох за дверью. Тогда она, потеряв терпение, стала звонить и звонить без перерыва - ведь для нее это был вопрос жизни.

Наконец, внутри кто-то закопошился, щелкнул замок, и дверь приотворилась. - Это я, - торопливо шепнула Ирена.

Он открыл дверь в явном замешательстве. - Ах, это ты... вы, сударыня, - растерянно лепетал он. - Прости те... я никак не ожидал... вашего прихода... простите мой вид, он был без пиджака и без галстука, с расстегнутым воротом рубашки.

- Мне необходимо с вами поговорить, вы должны мне помочь, - произнесла она раздраженным тоном, по тому что он все еще держал ее на пороге, как попрошайку - Впустите меня, я задержу вас на одну минуту.

- Пожалуйста, - смущенно пробормотал он, оглядываясь с опаской... - только я сейчас... мне не очень удобно...

- Вы обязаны меня выслушать. Все это по вашей вине. Ваш долг мне помочь... Вы обязаны, слышите, обязаны добыть мое кольцо. В крайнем случае скажите мне адрес... Она все время не дает мне покоя, а теперь она куда-то исчезла. Вы обязаны, да, да, обязаны.

Он недоумевающе уставился на нее. Только теперь она сообразила, что из ее отрывистых выкриков ничего нельзя понять.

- Ах, вы не знаете... Так вот, ваша любовница... ну словом... прежняя ваша пассия, выследила меня, когда я уходила от вас. С тех пор эта женщина преследует меня, шантажирует... мучает до полусмерти... А теперь она взяла у меня кольцо, но я без него не могу, мне надо его вернуть не позже, чем сегодня вечером, я так и сказала... не позже, чем сегодня вечером... Ну вот, так помогите мне.

- Но я... я...

- Вы отказываетесь?

- Но я не знаю никакой женщины. Мне непонятно, о чем вы говорите. Я никогда не имел дела с шантажистками. - Он говорил почти грубо.

- Ах так... не знаете... Она все это сочинила! Откуда же она знает и ваше имя и мой адрес? По-вашему, она и не думает меня шантажировать? По-вашему, мне это все пригрзилось?

Она пронзительно захохотала. Ему сделалось жутко. У него мелькнула мысль, что она помешалась, так лихорадочно горели ее глаза, так странно она себя вела и при этом плела какой-то вздор. Он испуганно поглядел по сторонам.

- Ради бога, успокойтесь... сударыня. Уверяю вас, вы ошибаетесь... Должно быть... да нет, это невозможно... я ничего не понимаю. С такими женщинами я не встречаюсь. Ведь вы знаете, я здесь совсем недавно, и те две связи, которые у меня были, исключают... Не буду называть имена, но даже смешно подумать... уверяю вас, это какая-то ошибка...

- Значит, вы отказываетесь мне помочь?

- Нет, что вы, если я только могу...

- Тогда идите. Мы вместе пойдем к ней.

- Но к кому же... к кому? - Когда она схватила его за рукав, он опять с испугом подумал, что она не в своем уме.

- Да к ней же... Пойдете вы или нет?

- Конечно... Конечно, пойду, - ее лихорадочная настойчивость явно подтверждала зародившееся у него подозрение, - конечно... конечно...

- Так пойдемте же... это для меня вопрос жизни!

Он еле сдержал улыбку. Потом сразу же перешел на официальный тон.

- Прошу меня извинить, сударыня, но в данный момент я занят... У меня урок музыки... Я не могу его прервать.

- Так! Так! - она презрительно засмеялась ему в лицо. - Вы даете уроки без пиджака... Лгун вы, вот кто! - И вдруг ее осенила догадка. Она ринулась в комнаты, как он ни пытался ее удержать. - Значит, она здесь, у вас, эта шантажистка! Чего доброго, вы с ней заодно. Может, вы делитесь тем, что вымогаете у меня.

Но я с ней расправлюсь. Теперь мне ничего не страшно. Она кричала во весь голос. Он держал ее, но она боролась с ним, вырвалась и распахнула дверь в спальню.

Кто-то, должно быть слушавший под дверью, отскочил вглубь комнаты. Ирена в полной растерянности посмотрела на полуодетую незнакомую даму, которая поспешила отвернуть лицо. Молодой музыкант бросился вслед за Иреной, считая ее сумасшедшей и боясь, как бы она не натворила бед, но она тут же вышла из спальни.

- Извините меня, - с трудом выдавила она. В голове у нее все перепуталось. Она ничего уже не понимала, ей было только противно, бесконечно противно, ужасная усталость овладела ею. - Извините меня, - повторила она. - Завтра... да, завтра вам все станет ясно, впрочем, я... я и сама ничего не понимаю. - Она говорила с ним, как с чужим, ничто не напоминало ей о том, что она когда-то принадлежала этому человеку, да она и сама себя не помнила. Все теперь запуталось окончательно ей было ясно только, что где-то здесь кроется ложь. Но она слишком устала, чтобы думать, слишком устала, чтобы рассуждать. Закрыв глаза, шла она по лестнице, как осужденный идет на эшафот.

Когда она вышла на улицу, уже совсем стемнело. А вдруг, мелькнула у нее мысль, та тварь караулит напротив, вдруг в последнюю минуту явится спасение. Ей захотелось молитвенно сложить руки и воззвать к забытому богу. Ах, только бы вымолить себе отсрочку на несколько месяцев, до лета, а потом спокойно пожить среди полей и лугов, где шантажистка не достигнет ее, пожить спокойно всего одно лето. Жадно вглядывалась она в темноту улицы. Ей почудилось, будто у дома напротив стоит какая-то фигура, но когда она подошла поближе, фигура скрылась в подьезде. На миг Ирена как будто уловила в ней сходство с мужем. Второй раз за этот день пугалась она его внезапно мелькнувшего на улице силуэта и взгляда. Она остановилась выжидая. Но фигура бесследно исчезла в темноте. Тогда она пошла дальше, с тягостным ощущением чьего-то обжигающего взгляда у себя за спиной. Один раз она обернулась, но никого не увидела.

Аптека была недалеко. С легким содроганием вошла туда Ирена. Провизор стал готовить то, что было указано в рецепте. За это короткое мгновение Ирена отчетливо увидела все - и никелированные весы, и миниатюрные гирьки, и этикетки, а наверху на полках ряды склянок с какими-то жидкостями, незнакомые латинские названия, которые она

машинально принялась читать. Она услышала тикание часов, ощутила особый аптечный запах, маслянисто приторный запах лекарств и вдруг вспомнила, что в детстве всегда вызывалась исполнять поручения матери в аптеке, потому что ей нравился этот запах, нравилось смотреть на таинственные блестящие тигельки. И тут же она с ужасом подумала, что позабыла проститься с матерью, и ей стало мучительно жаль бедную старушку. Как она испугается, в смятении думала Ирена... но провизор уже отсчитывал прозрачные капли в темную склянку. Не отрываясь смотрела она, как смерть переливается из пузатой бутылки в маленькую бутылочку, откуда она скоро заструится по ее жилам, и ее обдало холодом. Тупо, словно замороженная, смотрела она на пальцы аптекаря: вот он затыкает пробкой полный пузырек, вот обклеивает горлышко бумагой. Все чувства Ирены были скованы, подавлены страшной мыслью.

- С вас две кроны, - сказал аптекарь. Она встrepенулась и растерянно огляделась по сторонам. Потом автоматическим движением достала деньги. Еще не вполне очнувшись, разглядывала она монеты и долго не могла отсчитать то, что нужно.

В этот миг она почувствовала, что ее руку резко отстранили, и услышала, как звякнули деньги о стеклянную подставку. Чья-то протянутая рука перехватила у нее пузырек.

Она невольно обернулась и замерла на месте - рядом стоял ее муж. Лицо у него было мертвенно бледно, губы стиснуты, на лбу выступили капельки пота.

Она почувствовала, что сейчас потеряет сознание, и схватилась за прилавок. Сразу же ей стало ясно, что именно его она видела днем на улице, именно он караулил ее в подъезде; внутреннее чутье уже тогда подсказывало ей, что это он, а теперь все вместе всплыло в ее смятённом мозгу.

- Идем, - сказал он глухим, сдавленным голосом.

Она бессмысленно посмотрела на него и где-то в самых глубоких тайниках своего сознания удивилась, что повинуется ему. Но все-таки машинально пошла за ним.

Бок о бок, не глядя друг на друга, шагали они по улице. Он все еще держал в руках пузырек. Один раз он остановился и отер влажный лоб. Сама того не сознавая и не желая, она тоже замедлила шаги. Но взглянуть на него не смела. Никто не говорил ни слова, уличный шум заполнял молчание.

На лестнице он пропустил ее вперед. И как только она почувствовала, что его нет рядом, ноги ее ослабели, она остановилась, держась за перила. Тогда он взял ее под руку. Она вздрогнула от его прикосновения и торопливо взбежала наверх.

Она вошла в спальню, он последовал за ней. Стены тускло мерцали в темноте, едва виднелись очертания мебели. Оба все еще не произнесли ни слова. Муж сорвал бумагу с пузырька, вынул пробку, вылил содержимое, а пузырек резким движением швырнул в угол. Ирена вздрогнула, услышав звон разбитого стекла.

Оба молчали. Ирена, не глядя, чувствовала, что он старается овладеть собой. Наконец, он сделал шаг по направлению к ней. Шаг и еще шаг, пока не очутился совсем рядом. Она слышала его тяжелое дыхание и своим застывшим, затуманенным взглядом видела, как сверкают в темноте его глаза. Вот сейчас разразится его гнев, вот сейчас его рука железной хваткой вопьется в ее дрожащую руку. Сердце у нее замерло и только нервы трепетали, как туго натянутые струны. Всем своим существом ждала она кары и почти желала, чтобы он скорее дал волю гневу. Но он по-прежнему молчал, а когда заговорил, она с невыразимым изумлением услышала в его голосе не гнев, а нежность

- Ирена, - начал он удивительно мягко, - до каких пор мы будем мучить друг друга?

И тут внезапно, судорожно, с сокрушительной силой, как протяжный, бессмысленный, звериный вопль, прорвались долго сдерживаемые, подавляемые рыдания. Точно злобная рука рванула ее изнутри и стала яростно трясти - она зашаталась, как пьяная, и упала бы, если б муж не поддержал ее.

- Ирена, - пытался он успокоить ее, - Ирена, Ирена, - все тише, все ласковее шептал он ее имя, словно думай нежным звучанием этого слова расправить конвульсивно сведенные нервы, но только рыдания, только буйные порывы отчаяния, сотрясавшие все тело, были ему

ответом. Он подхватил, понес ее и бережно уложил на диван. Однако рыдания не унимались. Руки и ноги судорожно дергались, как будто от электрического тока, трепещущее истерзанное тело, по-видимому, бросало то в жар, то в холод. Напряженные до предела нервы не выдержали, и накопившаяся за все эти недели боль безудержно бушевала в обессиленном теле.

Не помня себя от волнения, он старался унять эту дрожь, сжимал ледяные руки жены, сперва бережно, а потом все пламеннее, ее страхом и страстью целовал ее платье, ее шею, но Ирена по-прежнему вздрагивала, сжавшись в комок, а из груди все накатывали рыдания, наконец-то прорвавшиеся наружу. Муж коснулся ее лица, оно было холодно и влажно от слез, жилки на висках набухли и трепетали. Невыразимый страх овладел им. Он опустился на колени и заговорил у самого ее лица, все время пытаясь удержать, успокоить ее.

- Не плачь, Ирена... Ведь все... все прошло. Не убивайся так... Тебе уже нечего бояться. Она не придет больше никогда, слышишь - никогда.

Ирена снова рванулась в судорожном рыдании, хотя муж держал ее обеими руками. При виде отчаяния, сотрясавшего измученную женщину, ему стало страшно, как будто он - ее убийца. Он целовал ее, несвязными словами молил о прощении.

- Да, больше не придет... клянусь тебе... Я не ожидал, что ты так испугаешься... Я хотел только вернуть тебя... напомнить о твоём долге... чтобы ты ушла от него навсегда... и вернулась к нам... Когда я об этом узнал случайно, я ничего другого не мог придумать... не мог же я прямо сказать тебе... Я все надеялся... все надеялся, что ты вернешься, и потому подослал эту бедную женщину. Думал, она подтолкнет тебя. Она - незадачливая актриса, без ангажемента. Она отказывалась, а я настаивал... теперь я вижу, - это было нехорошо... Но я хотел тебя вернуть. Неужели ты не видела, что я готов, что я рад простить? Как ты не понимала?.. Но до этого я не думал тебя довести... Мне самому еще тяжелее было все это видеть... следить за каждым твоим шагом. Ради детей, пойми, только ради детей я должен был заставить тебя... Но теперь все это прошло... Все будет хорошо...

Голос звучал совсем близко, но слова долетали до нее откуда-то издалека, и она не понимала их. Все заглушал шум волн, набегавших изнутри, сознание было помрачено полным смятением чувств. Она ощущала ласковые прикосновения, поцелуи и свои собственные слезы, но внутри, звеня и гудя, проталкивалась по венам кровь, и в ушах стоял неистовый гул, точно перезвон колоколов. Потом все исчезло в тумане. Очнувшись от обморока, она смутно почувствовала, что ее раздевают, как сквозь густую пелену увидела ласковое и озабоченное лицо мужа. И сразу же погрузилась в черную пучину глубокого благодетельного сна без сновидений.

Когда она на другое утро открыла глаза, в комнате было уже светло. И в ней самой тоже просветлело, пронесшаяся буря словно очистила и освежила кровь. Она пыталась вспомнить, что с ней произошло, но все казалось еще сном. Она ощущала такую неправдоподобную легкость и свободу, с какой паришь по воздуху во сне, и, чтобы увериться, что это смутное ощущение - явь, она дотронулась одной рукой до другой.

Вдруг она вздрогнула: на пальце блестело кольцо. И сразу же сна как не бывало. Те бессвязные слова, которые она и слышала и не слышала на грани сознания, и те прежние неясные догадки, которые она не смела претворить в мысль и подозрение, теперь вдруг слились в стройное целое. Все сразу стало ей понятно, - и вопросы мужа и недоумение любовника; петля за петлей развернулись перед ней страшные сети, которыми она была опутана. Гнев и стыд овладели ею, нервы вновь болезненно затрепетали, и она уже готова была пожалеть, что пробудилась от этого сна без грез и без страхов.

Но тут в соседней комнате послышался смех. Дети встали и как проснувшиеся птенцы гомонили навстречу новому дню. Ирена ясно различала голос сына и впервые с удивлением заметила, как он похож на отцовский голос. Улыбка неприметно тронула ее губы и задержалась на них. Ирена лежала с закрытыми глазами, чтобы лучше насладиться тем, что было ее жизнью, а отныне и ее счастьем. Внутри еще тихонько щемило что-то, но это была благотворная боль - так горят раны, прежде чем зарубцеваться навсегда.

